

С. В. БЕРЕЗКИНА*

ОТВЕТ КРИТИКУ

Ключевые слова: второе академическое издание Достоевского, текстология, комментирование.

Предметом рассмотрения в статье является рецензия В. А. Викторovichа на два тома второго академического издания Достоевского. В статье дается сопоставительный анализ различных текстологических концепций современного достоевсковедения, а также различных стратегий комментирования произведений писателя.

В 2015 г. В. А. Викторovich опубликовал на страницах журнала «Вопросы литературы» рецензию на два тома второго академического издания Ф. М. Достоевского, выпущенных Пушкинским Домом в 2013–2014 гг.¹ (в настоящий момент вышли уже шесть томов). В ней сделан ряд замечаний, ценных и важных для дальнейшей работы над изданием. Определяя свою позицию в вопросе о том, как следует издавать Достоевского, В. А. Викторovich высказывает основанные на глубоком знании биографии и творчества писателя идеи, весьма нам близкие, — например, неприятие «экзальтированных сокрушений об утрате языковой идентичности в результате реформы 1918 года» и заявлений, будто в первом академическом издании², переведенном на современное правописание, «не слышен “подлинный голос Достоевского”»: «Получается, что несколько поколений филологов, возросших на этом издании (к ним, — пишет рецензент, — я причисляю и себя), так и не встретились с “настоящим” Достоевским. <...> не думаю, что к пониманию “подлинного” Достоевского нас приблизят написания “по неволе”, “от-чего”, “потому-что”, <...> формы типа “старого”, “верные” <...>

* Светлана Вениаминовна Березкина, д-р филол. наук, ст. научн. сотр. Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН — s.berezkina@mail.ru.

¹ Викторovich В. А. Академический Достоевский: Проблемы и перспективы // Вопросы литературы. 2015. № 5. С. 343–381 (далее ссылки на эту статью даются в тексте). Статья удостоена премии журнала в числе лучших публикаций 2015 г.

² Речь идет о следующем издании: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л., 1972–1990.

и т. п. Напротив, архаика может оттолкнуть современного читателя...» (с. 354–356). К сожалению, не все результаты углубления уважаемого рецензента в текстологию, причем как теоретическую, так и практическую, представляются нам столь же бесспорными. В них обнаруживается особенность, характерная для значительной части современного общества, подвигающегося в области изучения Достоевского.

Вообще методика выявления текстологических новаций того или иного издания проста: берутся авторитетные издания и проводится сопоставительный анализ списка исправлений авторского текста (при этом, правда, приходится учитывать и то, что исправляется в издании как простая опечатка, т. е. без вынесения в список). В. А. Викторovich оперирует только двумя изданиями — академическим, старым и новым (текстологические принципы здесь кардинальных изменений не претерпели), и так называемыми «Каноническими текстами», которые выходят в Петрозаводске с 1995 г.³ Сравнивая эти издания, рецензент не устает с удовлетворением повторять, что расширение списка исправлений в новом академическом издании совпадает с уже сделанным петрозаводскими текстологами (это, убежден рецензент, «сильно облегчает жизнь новых издателей» — с. 344). Например, о «Бедных людях»: «Замечу, что семь из девяти исправлений были сделаны еще раньше в петрозаводском издании» (с. 346).

Список исправлений в «Канонических текстах» действительно значительно обширней, чем в академическом издании. Но откуда же взялся этот излишек исправлений? Похоже, уважаемому рецензенту неизвестно, что серьезная текстологическая работа по Достоевскому начинается вовсе не с «Канонических текстов», а с другого издания: это «Полное собрание художественных произведений» Достоевского, выпущенное в 1926–1930 гг. Б. В. Томашевским и К. И. Халабаевым⁴. В соответствии с концепцией Томашевского (она была дана в развернутом виде в его книге 1928 г.⁵ и с огромным энтузиазмом воспринята советскими текстологами 1930-х гг.)⁶, в издании 1926–1930 гг. к каждому тексту прилагался список исправлений настолько огромный, что ни одно другое издание Достоевского и доныне не может сравниться с ним. Это было воистину революционное издание, причем не только

³ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: Изд. в авт. орфографии и пунктуации: Канон. тексты / Под ред. В. Н. Захарова. Петрозаводск, 1995–2015. Т. 1–11.

⁴ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. худож. произведений: В 13 т. / Под ред. Б. В. Томашевского и К. И. Халабаева. М.; Л., 1926–1930.

⁵ *Томашевский Б. В.* Писатель и книга: Очерк текстологии. Л., 1928; 2-е изд.: М., 1959.

⁶ Заявление В. Л. Комаровича о том, что в издании Томашевского и Халабаева «прочное установлено окончательный авторский текст Достоевского» (*Комарович В. Л.* Литературное наследство Достоевского за годы революции: Обзор публикаций 1917–1933 гг. // Литературное наследство. М., 1934. Т. 15. С. 258), свидетельствовало: текстологические принципы, положенные в его основание, представлялись в то время незыблемыми.

в области достоевсковедения; новации Томашевского оказали вдохновляющее воздействие на работу издателей и других русских классиков.

В чем было новаторство Томашевского применительно к текстам Достоевского? Томашевский выработал некий систематический подход в разборе тех ошибок и опечаток, которые допускались при подготовке изданий наборщиками и корректорами. В рубрику опечаток и ошибок, подлежащих исправлению, стремительно переместилось под его рукой огромное количество тех расхождений в текстах печатных источников, которые в других изданиях отнесли бы к вариантам. Благодаря этому списки исправлений стали длиннее, но, соответственно, списки вариантов — короче. В чем слабость этой системы? Дело в том, что работа автора, хотя бы над корректурой, зачастую носит «мелкий» характер и совпадает — по видимости — якобы с недосмотром наборщика и корректора... Кроме того, отбор ошибок в работе наборщиков и корректоров при нацеливании на их умножение в соответствии с известными принципами не может обойтись без оценки качественной стороны различий текста, а это уже напоминает о вкусовщине по принципу «лучше-хуже» (на самом-то деле, можно найти еще больше «ошибок», если следовать этой методике до конца!)⁷. Из этого исходили критики текстологической системы Томашевского, обрушившиеся на него в 1950-х гг.⁸ В итоге академические издания от нее дистанцировались, выбрав очень жесткий подход к формированию списков исправлений к текстам: там, где можно предположить хотя бы тень авторского участия, оставляем — «как в тексте последнего прижизненного издания». Нам приходилось писать об этом подробно в одной из своих статей, поэтому считаем возможным здесь лишь сослаться на нее⁹.

По нашим подсчетам, список исправлений в «Канонических текстах» по любому из произведений Достоевского — это примерно две трети от огромнейших списков исправлений Томашевского–Халабаева. После знакомства с рецензией В. А. Викторovichа создалось впечатление, что он об этом не знает. Каково же соотношение между академическим изданием Достоевского и списками исправлений в издании Томашевского–Халабаева? В академическое издание попала примерно треть. Это вовсе не значит, что в старом академическом издании или в «Канонических текстах» не было новых исправлений, пропущенных Томашевским и Халабаевым. Конечно, эти дополнительные исправления вычленились в ходе добросовестной работы и в Ленинграде (С.-Петербурге) и в Петрозаводске, но текстолог-достоевист всегда

⁷ С этим согласен и В. А. Викторovich, указывающий, что текстологу нередко приходится руководствоваться «собственной интуицией» (с. 357).

⁸ См., например, оценку текстов Достоевского в издании 1926–1930 гг. как их «переработку» Томашевским и Халабаевым в изд.: Основы текстологии / Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1962. С. 104.

⁹ Березкина С. В. «Униженные и оскорбленные» Достоевского: Три текста, три издания // Русская литература. 2011. № 3. С. 97–109.

начинал свои штудии со списков исправлений и вариантов в издании 1926–1930 гг. Это база, на которой формировалась и формируется текстологическая концепция любого издания Достоевского. Именно она является основой плюрализма различных текстологических концепций, которые никогда не должны возводиться в ранг «канона».

Рецензия В. А. Викторovichа с его констатациями совпадений в списках исправлений академического издания и петрозаводского (а почему не издания Томашевского–Халабаева?) обнаруживает и некоторое недопонимание новаций второго издания Достоевского. Прежде чем углубиться в конкретику наших возражений критику, следует подчеркнуть, что настоящая заметка не является «рецензией на рецензию», тем более такую объемную и основательную. Мы будем говорить лишь о том, что касается нашей работы во втором томе нового издания Достоевского. Вот, например, основной текст «Хозяйки». Рецензент утверждает, что в нем «три новых поправки сравнительно с первым академическим изданием», и, конечно же, «все ранее вошло в “Канонические тексты”» (с. 349, тут же эти варианты и названы). Так ли это? Известно, что списки исправлений и вариантов не должны совпадать по отдельно взятым позициям, т. е. вариант не может быть исправлением, а исправление — вариантом. Известно и то, что самоочевидные опечатки в эти списки не включаются. Пара «фланер (1865) / фланёр (1847)» стоит в «Канонических текстах» в списке *вариантов*, в списке же *исправлений* ее нет¹⁰. Почему же, в таком случае, слово «фланёр» заменило собою «фланер» в основном тексте?¹¹ Подобного рода ошибки нередки в «Канонических текстах», и, по-видимому, нам не раз придется останавливаться в своих будущих *контррецензиях* на подобных (и значительно более серьезных) огрехах научного аппарата этого издания. Другие упомянутые рецензентом исправления по «Хозяйке» оказались в «Канонических текстах» на своем месте; но почему же он не заметил в нашем издании еще одну пару исправлений? То, что слова «прокля́тая» и «прокляту́ю» оказались в последнем прижизненном издании без ударения, в «Канонических текстах» отнесли к опечаткам и исправили без вынесения в список; в таком случае, почему «фланер / фланёр» запутался между исправлениями и вариантами? «Про́клятая (прокля́тая) дочь», по сравнению с «прокля́тая», столь ли уж невозможны в прочтении? Все эти вопросы обнаруживают разность текстологических подходов, в рассмотрении которых нужно проявлять особую тщательность. А лучше всего — оставить изданию, исповедующему другие принципы, право прилагать их в соответствии со своей концепцией.

Говоря о комментарии к «Хозяйке», рецензент задается вопросом: «как согласуется с авторским правом» изъятие из «старого» коммента-

¹⁰ Ср.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. <...> Канон. тексты. Т. 2. С. 597, 707.

¹¹ Там же. Т. 2. С. 48.

рия к нему Г. М. Фридендера «ключевых» слов? «Или в жанре научного комментария действуют другие законы?» (с. 366–367). В. А. Викторovich имеет в виду раздел VII части 4 Гражданского кодекса РФ, нам хорошо известный. Между тем, наше издание по статусу и титулу — исправленное и дополненное. Мы вынужденно исправляем в нем то, что было данью времени или же не прошло проверку при новом рассмотрении комментария. Нелишним будет сообщить, что первый том академического издания (с «Хозяйкой»), вышедший в 1972 г., готовился с 1965 и был утвержден на ученом совете ИРЛИ в конце 1966 г. Причем вокруг издания была столь острая борьба и столько опасений было связано именно с первым томом, что Г. М. Фридендер взял на себя редакторские обязанности и готовил его с чувством особой ответственности.

В. А. Викторovich ставит нам в упрек обработку «редакторскими ножницами» «старого» комментария. Например, он считает, что в тексте нужно было оставить отнесение к Мурину характеристики «купец-старообрядец». В. А. Викторovich сожалеет об исчезновении из комментария «таких передовых мыслителей этой эпохи, как Л. Фейербах, Д. Ф. Штраус, Б. Бауэр» — характернейшего для советской эпохи штампа, без которого и упомянуть их было затруднительно (ср. в нашем нынешнем комментарии: «в известных членах кружка Петрашевского сочинениях Л. Фейербаха, Д. Ф. Штрауса, Б. Бауэра») ¹². Но больше всего рецензента смущает «прошлое», дважды упомянутое в «старом» комментарии применительно к Катерине: она страдает «под мрачной властью прошлого», «против этого прошлого и борется герой-мечтатель», т. е. Ордын ¹³. Рецензент уверен, что «мрачную власть прошлого» (а он справедливо связывает ее с религией) необходимо было сохранить, поскольку это «ключевое» слово для «старого» комментария. Но это же чистой воды идеологический штамп! Через его посредство Г. М. Фридендер вводил в комментарий сложную для середины 1960-х гг. религиозную тему «Хозяйки». Ни для Мурина, ни для Катерины, ни для Ордынова, ни для тем более Достоевского — религия не была «прошлым». Лишь для автора и тогдашнего читателя комментария...

Г. М. Фридендеру приходилось писать в различных изданиях и коллективных монографиях об одних и тех же произведениях Достоевского многократно, причем их проблематика в его изложении получала всё большую и большую отточенность. Блестящую характеристику творчеству писателя он дал в четырехтомной «Истории русской литературы», выпущенной Пушкинским Домом в 1980–1983 гг. В ней применительно к «Хозяйке» исчезла «мрачная власть прошлого», как и характеристика «старообрядец» (заменена на «раскольника»), Катерина же стала «олицетворением народной России» ¹⁴. Что же касается

¹² *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. и писем: В 35 т. СПб., 2014. Т. 2. С. 618.

¹³ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 1. С. 508.

¹⁴ *История русской литературы*: В 4 т. Л., 1982. Т. 3. С. 708.

дальнейшего пути исследователя, как известно, убежденного марксиста, то для многих будет большим сюрпризом такая, например, цитата из его неопубликованной работы 1993 г., где речь идет об одном из публицистических выступлений А. И. Солженицына: «... в этом он не расходится ни с Божественным писанием <так в оригинале!>, ни с художественными заветами едва ли не всех тех писателей и художников, творчество которых составляет гордость и славу России...» Цитата эта не случайна, и будущие публикации откроют ту грань личности ученого, которая была связана с его интересом к религиозному движению в России первой половины 1990-х гг. Г. М. Фридендер, привыкший с уважением анализировать религиозную проблематику Достоевского, с тем же чувством подходил к религиозной ситуации в России и в канун своей смерти.

Мысли рецензента о работе комментатора с новой (после первого академического издания) научной литературой расходятся с тем, что представляется нам здесь принципиально важным. Например, комментатору «Хозяйки» делается замечание за пропуск статьи И. И. Евлампиева (кстати, впервые она вышла не в 2010 г., как полагает В. А. Викторovich, а в 2009). Однако, если сравнить комментарий с библиографическим указателем по Достоевскому за 1844–2004 гг., выпущенным С. В. Беловым в 2011 г., то «пропусков» можно обнаружить еще больше! Комментарий — это не библиография, и его автору вменяется в обязанность не отражение *всех* работ о произведении, а знакомство с ними (со *всеми!*) и, как следствие, их *отбор*. Одним из критериев при этом является полнота научных ссылок по теме в той или иной напечатанной работе; если же автор статьи пишет, не утруждая себя ссылками на ту литературу, с которой он должен был ознакомиться, выбор для академического комментария может быть не в его пользу (Вл. Соловьев, В. В. Розанов, Н. А. Бердяев и др., конечно же, исключаются из этого правила, потому что здесь иные критерии).

В. А. Викторovich ставит в упрек новому комментарию «сужение смысла» «Хозяйки» до «телесной корысти» — мимо «всякой символики» (с. 367). Между тем цитате о «корыстно-сектантской религиозности, позволяющей старику удерживать при себе молодую красавицу»¹⁵, которой вовсе не отводится у нас центральное место, предшествуют в комментаторской статье множественные упоминания символических подтекстов «Хозяйки», причем со ссылкой на исследователей, касавшихся этой стороны произведения, в том числе на материал западноевропейских и русских романтиков. Имеет отношение к разным сторонам символики произведения и так называемый реальный комментарий, вновь с отсылкой к исследовательским работам. Что же касается высказывания А. Л. Бёма о «теории пленения церковью подлинного христианства», которую Достоевский якобы «создал» в 1840-х гг.

¹⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 35 т. Т. 2. С. 622.

и которой он «пользовался при создании образа старика Мурина»¹⁶, то едва ли оно уместно в комментарии. В. А. Викторovich предлагает «поспорить» с этим высказыванием (с. 367), не замечая, что в комментарии мы так и сделали. Среди героев Достоевского весьма проблематично усмотреть, с одной стороны, «подлинное христианство» (Ордынов? Катерина?), а с другой — пленяющую ее «церковь» (Мурин?). В конце концов, существуют и работы исследователей, в которых анализируется именно сектантская составляющая в сюжетной линии Мурина и Катерины!

В комментарии нет утверждения, вопреки мнению В. А. Викторovichа, что консервативно-церковные издания, повествующие о современной магии и колдовстве, «внимательно изучались молодым писателем» (с. 367). В повести Достоевского речь идет о женщине, ищущей облегчение от «порчи», в том числе в храме. Такого рода коллизии внимательно изучаются как фольклористами, так и этнографами; с аннотированным перечнем публикаций 1840-х гг. на эту тему можно познакомиться, обратившись к библиографическому указателю «Русский фольклор (1800–1855)», выпущенному в 1996 г. в Пушкинском Доме. В какой степени поведение Катерины соответствовало принятым в то время народным обычаям и верованиям? На этот вопрос отвечает комментарий, объясняющий, в частности, то, что делает Мурин, читая над ней «страшные» книги. Четыре публикации 1844–1845 гг. на страницах журнала «Маяк», упоминаемые в нашем примечании, дают некоторую конкретизацию реалий времени, связанных с народными (а также церковными) представлениями о «порче». В. Н. Захаров, характеризуя «Хозяйку», отметил, что ее автору «не хватило знания народной жизни»¹⁷; это можно отнести и к высказываниям Катерины о живущей в ней «порче», да и ко всему ее поведению, обусловленному этим обстоятельством, в сюжетных рамках повести.

Трудно согласиться с толкованием, которое дает В. А. Викторovich странному обычаю, отраженному в сцене первой встречи Ордынова с Муриным и Катериной в храме. Рецензент полагает, что Мурин просто подражает «обычному “жесту” священника», накрывающему голову исповедника епитрахилью (правда, при этом В. А. Викторovich забывает сослаться на В. Е. Ветловскую, впервые высказавшую эту мысль)¹⁸. Хотелось бы задать уважаемому рецензенту вопрос: в повести говорится, что «у подножия иконы» висит какое-то «покрывало», — что это за деталь церковного убранства? В комментарии мы, вслед за двумя другими исследователями (с соответствующими на них ссылками), связали «покрывало» с Покровом Богородицы, которому был посвящен

¹⁶ Бём А. Л. Исследования. Письма о литературе / Сост. С. Г. Бочарова; предисл. и коммент. С. Г. Бочарова и И. З. Сураг. М., 2001. С. 325–326.

¹⁷ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. <...> Канон. тексты. Т. 2. С. 689.

¹⁸ См.: Ветловская В. Е. Фольклорно-христианские мотивы раннего творчества Достоевского // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996. С. 584.

главный образ Покровского храма (а именно туда и именно к этой иконе приходят герои повести). В обиходе различных храмов повсеместно встречаются случаи сакрализации каких-то особых мест, предметов, иногда их частей («надо *приложиться* здесь», «прикоснуться к этой звездочке», «пройти под иконой» и пр.). «Покрывало» как имитация Покрова Богородицы могло быть связано с каким-то местным обычаем петербургской Покровской церкви (молитвы у иконы возносились, по видимому, коленапреклоненно, с возложением на себя этого «покрывала», т. е. «покрова»).

Рецензия В. А. Викторovichа заканчивается намеком на непрофессионализм сотрудников нового издания Достоевского. Поскольку он с похвалой отзывается о «Канонических текстах», сравним реальный комментарий в нем к «Хозяйке» с комментарием в новом академическом издании. В «Канонических текстах» даны всего лишь восемь примечаний к тексту (включая едва ли нужное объяснение «вакханки»). Не будем придирчиво их рассматривать, но лишь задумаемся о судьбе читателя. Он брошен на произвол судьбы комментатором, с упоеанием цитирующим Ф. А. Степуна в первом примечании применительно к «образу идеи» Ордынова в задуманной им истории церкви: тут и «платоновские эйдосы», и «анамнезис-воспоминание» (хотя известно, что в комментарии не рекомендуется использовать слова, которые, в свою очередь, сами нуждаются в комментарии), и «христианская семантика» с «гомеровскими истоками». Читатель не найдет объяснений ни того, куда забрел Ордынов в своих скитаниях по столице, ни слов о службе Ярослава Ильича в какой-то «части», ни того, что такое «частный доктор» и что такое быть «под покаянием», что значит читать над человеком, в душевной болезни находящимся, церковную книгу; даже перевода слова «παλιευσις» не дал читателю комментатор! Мы здесь назвали только те реалии, которым насущно необходимо объяснение (чтобы читатель понял текст), а ведь в комментарии нового академического издания прокомментированы и многие другие моменты, с отсылкой к исследовательским работам и подробным анализом.

Обратим внимание еще на одну сторону профессиональной комментаторской деятельности. К ссылкам на работы, в которых были объяснены те или иные особенности текста, участники академического издания относятся с максимальным вниманием. Все новации в «Канонических текстах», как и в издании «Воскресенья»¹⁹, были выявлены нами в ходе тщательнейшего анализа. Более внимательных читателей у этих изданий, поверьте, просто нет! В комментарии к «Хозяйке» нового академического издания трижды даны ссылки на новации комментария в издании «Воскресенья». Но попробуйте найти в петрозаводских томах ссылки на академическое издание! Они здесь чрезвычайно редки. Например, комментарий к «Хозяйке» в «Канонических текстах»

¹⁹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 18 т. М., 2003–2005.

написан, что примечательно, полностью самостоятельно, без использования ранее вышедших изданий. Если в Пушкинском Доме продолжают блюсти традицию — указывать текстологов, участвовавших в расшифровке, публикации и, шире, введении в научный оборот того или иного архивного источника (в режиме: «напечатано», «отрывок», «с пропусками», «с дополнениями», «полностью»), то современное дostoевскоеведение об этой стороне научной этики, похоже, совсем забыло. Например, те эпистолярные тексты, которые печатались или использовались в комментариях старого академического издания, в «Канонических текстах» помещаются со ссылкой только на архивное хранение! С учетом наших навыков работы это выглядит так, будто издатели хотят уверить читателя, что до «Канонических текстов» эти источники никто не использовал и не печатал. Исследователи академической школы с особой щепетильностью отразили бы эти публикации в комментариях любого издания, но, по-видимому, не все считают себя связанными подобными обязательствами.

Нельзя исключать, что всё названное нами выше В. А. Викторovich не считает в настоящий момент признаком профессионализма. В таком случае и нам позволительно считать весьма спорной ту трактовку образа Мурина, которую он предложил в рецензии: самочинный «священнослужитель», «самозванец и лже-христианин, прикрывающийся церковными ризами (где же он себя ими прикрывает? — С. Б.), Священным Писанием и фарисейскими апелляциями к Богу» (с. 368).

С шестого тома нового академического издания Полного собрания сочинений Достоевского начинается публикация «великого пятикнижия» — его прославленных романов «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы» (тексты, рукописные материалы, обширный комментарий). Поэтому интерес к нашему изданию как в России, так и за ее пределами будет, несомненно, возрастать. А. В. Тоичкина, посвятившая новому изданию сочувственную рецензию в «Dostoevsky Studies», пишет, что вышедшие тома (а она говорит о трех томах) свидетельствуют о сложности предпринятого Группой Достоевского ИРЛИ проекта. Одновременно она подчеркивает, что «востребованность и актуальность второго издания, безусловно, оправдывают замысел редколлегии, уравнивают круг проблемных моментов, возникающих в практическом его осуществлении. Второе издание академического Полного собрания сочинений Достоевского в 35 томах призвано сохранить и приумножить достижения и традиции отечественного литературоведения, утвердить академические подходы и позиции на современном (достаточно непростом) этапе в истории развития науки о Достоевском»²⁰.

²⁰ Dostoevsky Studies: New Series. 2015. Vol. XIX. P. 221. В 2016 г. из печати вышли пятый и шестой тома издания Достоевского, в 2017 г. ожидается выход седьмого тома (рукописные редакции «Преступления и наказания», комментарий).

Библиографический список

- Бём А. Л. Исследования. Письма о литературе. М., 2001.
- Березкина С. В. «Униженные и оскорбленные» Достоевского: Три текста, три издания // Русская литература. 2011. № 3. С. 343–381.
- Викторович В. А. Академический Достоевский: Проблемы и перспективы // Вопросы литературы. 2015. № 5. С. 343–381.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 35 т. СПб., 2014. Т. 2.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. худож. произведений: В 13 т. М.; Л., 1926–1930.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 18 т. М., 2003–2005.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: Изд. в авт. орфографии и пунктуации: Канон. тексты. Петрозаводск, 1995–2015. Т. 1–11.
- История русской литературы: В 4 т. Л., 1982. Т. 3.
- Литературное наследство. М., 1934. Т. 15.
- Основы текстологии. М., 1962.
- Томашевский Б. В. Писатель и книга: Очерк текстологии. Л., 1928.
- Dostoevsky Studies: New Series. 2015. Vol. XIX.

Berezkina S. V. Answer for the critic

Key words: the second academic edition of Dostoevsky, textual criticism, commenting.

The subject of the article is V. A. Viktorovich's review of two volumes of the second academic edition of Dostoevsky. A comparative analysis is provided of the different concepts of modern textual criticism in Dostoevsky studies as well as of the various strategies of commenting the writer.

References

- Bem A. L. *Issledovaniya. Pis'ma o literature*. Moscow, 2001.
- Berezkina S. V. "Unizhennye i oskorblyennye" Dostoevskogo: tri teksta, tri izdaniya. *Russkaya literatura*. 2011. N 3. P. 343–381.
- Dostoevsky Studies: New Series*. 2015. Vol. XIX. P. 219–221.
- Dostoyevskii F. M. *Poln. sobr. khudozh. proizvedenii*: In 13 vols. Moscow; Leningrad, 1926–1930.
- Dostoyevskii F. M. *Poln. sobr. soch. i pisem*. In 30 vols. Leningrad, 1972–1990.
- Dostoyevskii F. M. *Poln. sobr. soch. i pisem*. In 35 vols. Saint Petersburg, 2014. Vol. 2.
- Dostoyevskii F. M. *Poln. sobr. soch. Izd. v avt. orfografii i punktuatsyi. Kanon. teksty*. Petrozavodsk, 1995–2015. Vols. 1–11.
- Dostoyevskii F. M. *Poln. sobr. soch.*: In 18 vols. Moscow, 2003–2005.
- Istoriya russkoi literatury*: In 4 vols. Leningrad, 1982. Vol. 3.
- Literaturnoye nasledstvo*. Moscow, 1934. Vol. 15.
- Osnovy tekstologii*. Moscow, 1962.
- Tomashevskii B. V. *Pisatel' i kniga: ocherk tekstologii*. Leningrad, 1928.
- Viktorovich V. A. Akademicheskii Dostoevskii: problemy i perspektivy. *Voprosy literatury*. 2015. N 5. P. 343–381.